

С.Ю. Курганов. Тайна Возраста («Апрельские тезисы»)

Бюллетень клуба конфликтологов, выпуск третий, часть вторая, г. Красноярск, 1994.

1. Я играю со своей дочкой Ниной. И Нина роняет куклу. Я говорю Земле:

- Земля, Земля, ты зачем притянула Ниночкину куколку?

И Земля отвечает, моим голосом:

- Я – Земля, я всех родила... Все из меня вышли... Я – всех мать... И когда кто-то слишком далеко улетает от меня, я притягиваю его к себе... Держи, Ниночка, крепко держи свою куклу...

- Земля, Земля, - подхватывает разговор Ниночка, а ты везде Земля? На всех дорогах, на всех улицах – Земля?

- Да...

Говоря «за Землю», «за ключик», «за букву», я стараюсь вложить все свои знания о мире, о древних греках, о титанах, о свойствах вещей – в свою роль. Это – игра. Та самая игра, которая – ведущая деятельность в дошкольном возрасте. Но я говорю на языке моей дочери. Я становлюсь трехлетним.

И только тогда, когда я стану трехлетним, я смогу понять мою дочь. Только тогда между нами возможен разговор. И только тогда мы изобретаем – вместе – игу. И только тогда я могу стать «своим человеком» в мире ребенка.

2. Возраст взрослого – это, на мой взгляд, такая «лапа», такая способность, которая и позволяет мне говорить и действовать так, как говорит и действует моя трехлетняя дочь, или – как говорят, например, юноши и девушки на седьмом году обучения.

3. Группой риска обычно называют небольшую компанию юношей и девушек, которые первыми начинают курить, пробовать вино и спирт, целоваться и т.д. Это – группа людей, рискующих вместе. В классе, примерно на седьмом году обучения, группа риска складывается обычно на летних каникулах, между шестым и седьмым годом школьной жизни. Остальные ученики класса как бы кольцом окружают группу риска и наблюдают, как эта группа живет и разговаривает. Остальные, не рискующие, ученики – это зрители тех трагедий, комедий и драм, которые разыгрываются в группе риска с острым ощущением наличия зрителей (слушателей). Зрители-слушатели, подобно Хору в трагедии Эсхила, обсуждают поступки героев из группы риска, сочувствуют героям, «плачут» и «смеются» вместе с героями, обсуждают их и т.д. более тонкий анализ общения подростков показывает, что мы здесь имеем, по всей вероятности, явление общения трех персонажей: говорящего, слушающего и наблюдающего за говорением и слушанием. Это явление подробно описано Е.Е. Шулешко, правда, применительно к более младшему возрасту детей (1). В этом смысле можно сказать, что по-разному рискует каждый: говорящий, рассказывая слушающему о том, как он рисковал, и что из этого вышло; слушающий, поддакивающий говорящему и тем самым как бы принимающий долю риска на себя; наблюдающий из Хора, который сам не рискует и напрямую рискованных поступков не обсуждает, а лишь затем, «внутри Хора» и, чаще всего, без героя, анализирует и учится на чужих ошибках.

4. Большинство книг о молодежи написано взрослыми, которые находятся в Хоре и оттуда наблюдают. Мне кажется, что решение подростковой проблемы состоит в том, чтобы войти в группу риска и начать рисковать вместе с этой группой. В этом случае картина жизни молодежи в сознании взрослого будет иной.

5. Итак, взрослый, например, классный руководитель, начинает жить двойной жизнью. Он, во-первых, строгий взрослый-учитель, и весь класс это понимает. Он, во-вторых, равноправный участник группы риска, и в этой группе он ведет себя как подросток, т.е. поступает по формам речи и поведения, которые приняты в сообществе рискующих вместе подростков. Если у взрослого есть возраст, т.е. «лапа», позволяющая ему переместиться по времени в подростковый возраст, то решение проблемы подростковой группы зависит исключительно от личных качеств взрослого: от его порядочности, смелости, ума, находчивости, а также не в малой степени от умения одеваться, физической выносливости, личного

обаяния. Взрослый может в компании подростков курить или не курить, пить вместе с ребятами вино или отказываться от этого, влюбиться в первую красавицу класса и вести себя так, как подобает вести влюбленному человеку или остаться к ней равнодушным.

Понятно, что поведение взрослого в «группе риска» нельзя предсказать заранее. Взрослый ведет себя так, как считает нужным, сообразуясь с манерами речи и поведения людей 13-14 лет. Взрослый тем самым на равных начинает формирование самой группы риска, ее изменение или, наоборот, стремиться удержать ее такой, какая она есть.

6. Это двойное бытие взрослого – единственный смысл педагогической деятельности, возвращающей человеку его молодость в буквальном смысле слова. Если нет этого «Фаустовского» начала в работе педагога – нет образования и воспитания.

7. На мой взгляд, психологической основой возраста, т.е. «лапы», позволяющей перемещаться во времени и становиться, например, трехлетним или пятнадцатилетним, является память и воображение. Можно сказать по-другому. Это – память и воображение, понятые как артистические способности (артистизм мы понимаем так, как его описывал А. Блок и Б. Пастернак). Человек активно припоминает себя в данном возрасте и артистическом воображении и преображением строит свой собственный подростковый (или дошкольный) возраст здесь и теперь, на собственном теле, в разговоре с трехлетней девочкой или в компании рискующих, пробуя жизнь подростков. Конечно, человек развивает в себе для этого особую функцию памяти. Это – особого рода «событийная» память, не являющаяся ни произвольной, ни произвольной (в смысле П.И. Зинченко). Этот вид памяти еще ждет своих исследователей.

8. Я не верю в то, что юноши и девушки (и, тем более, дошкольники) «без нас разберутся» и выстроят свое поведение без нашего непосредственного участия. Я глубоко убежден в существовании двух параллельных потоков передачи опыта рисковать из поколения в поколение. Первый поток – образование, построенное на идее произведения культуры (В.С. Библер, 2). В своей книге «Ребенок и взрослый в учебном диалоге» (3) я показал, как может быть организовано равноправное общение рискующих вместе учителя и учеников на уроке. Взрослый двойственен: он одновременно жестко организует урок, начинает и заканчивает его, учит не перебивать, учит доказывать, обосновывать и т.п.; и – участвует в им же организованном уроке как равноправный рискующий подросток (или младший школьник), выдвигающий свои гипотезы – «монстры», демонстрирующий свою растерянность перед загадками Природы и т.п. Второй поток – неучебное общение, с соответствующим возрастным преображением взрослого – в подростка, дошкольника, младшего школьника.

9. В нормальном случае построения сообщества подростков «группа риска» примерно на седьмом году обучения пригласит взрослого к себе. Взрослый, как мне кажется, не должен бояться прийти. Подростки из группы риска глубоко нуждаются в таком взрослом. Хотя, разумеется, ежедневное удержание себя внутри «трудного» возраста – вещь для учителя драматическая, подчас – трагическая, подчас – комическая. Ведь взрослый впервые начинает видеть в «группе риска» все, как есть «на самом деле». Нередко взрослые, увы, боятся настоящих подростков, предпочитая объединяться с Хором и строить миф о том, что на самом деле происходит в «группе риска».

10. Возможно, что появление в недалеком будущем поколения взрослых, владеющих «тайной возраста» и умеющих перемещаться во времени, заставит психолога пересмотреть некоторые стереотипы в понимании возрастов. Вполне возможно, что выяснится, например, что дошкольники ничуть не эгоцентричны, а подростки совсем не конформны. Конечно, если строить общение с дошкольниками лишь пассивно наблюдая за ними, т.е. так как это делал Пиаже в Женеве, то, конечно, дошкольники будут увидены (из Хора) как герои-эгоцентрики. Но, быть может, если начать рисковать вместе с дошкольником, активно строить общение с ним на его языке, включаясь в его возраст, мы обнаружим, что трехлетний ребенок способен к глубокому и точному пониманию другого человека. Мне представляется, что в норме у дошкольника присутствуют две формы речи: поэтическая речь, которую ребенок выстраивает вместе со взрослым – поэтом, умеющим быть двойственным, умеющим

превращаться в дошкольника (см. Размышления А.В. Левина), и – внутренняя речь в одиночестве, когда ребенок поэтично и культурно говорит с самим собой, часто продолжая разговор со взрослым-поэтом, держа взрослого возрастной «лапой» памяти-воображения (артистическими способностями дошкольника). На мой взгляд, рискующий, «трудный» подросток вовсе не конформист, а достаточно индивидуалистическое существо. Главный девиз подростка «Бог и я». Прочитую сочинение семиклассницы: «У каждого человека есть свой храм-душа. Человек замыкается в своем храме и не впускает в него чужих. Мой девиз: «Бог и я». Душа ограждает от человека внешний мир, чужих людей. Ты имеешь свое мировоззрение, мнения, свои слова, в себе можно делать все, что хочешь. Если ты не имеешь такого храма, или к тебе в храм (душу) залез кто-то другой, - ты упал в БЕЗДНУ. Чем дальше – тем чернее. Чем дальше – тем мрачнее. Чем дальше, чем, ночнее (Маяковский, 4)». Любимое выражение четырнадцатилетних: «Пусть человек живет своей жизнью!».

11. Мне представляется, что многие феномены, которые открыли в XX веке психологи и педагоги, можно интерпретировать не как описание объективных свойств детей, а как показатель неуспешности взрослых, пытающихся войти в группу детей данного возраста, но – безуспешно.

12. Мне не очень нравится слово «развитие» применительно к ребенку. Я бы говорил об обучении и воспитании, которое не столько развивает ребенка, сколько «амплифицирует» (термин А. Запорожца), углубляет бытие ребенка данного возраста. Если взрослый, находясь в подростковой «группе риска», рискует вместе со всеми и ведет себя так, как должен, по его мнению, вести себя порядочный человек, оставаясь подростком, т.е. находясь этого возраста – тогда взрослому удастся передать, буквально «впрыснуть в вену» подростковому обществу формы поведения порядочных людей предшествующего поколения. Приятно, что при этом произойдет трансформация, метаморфоза этих форм поведения взрослого. Выяснится, например, что, глядясь в подростковые зеркала, взрослому очень многому нужно учиться у подростков-«ровесников» и у себя, бывшего подростком прошлого, в прошлом и потерявшего многое из важных ценностей подросткового общества прошлых лет. Формы успешного бытия в подростковой компании, т.е. формы прямой передачи опыта из поколения в поколение взрослому заранее не даны. Взрослый их мучительно и радостно обретает. Или не обретает в случае неудачи, срыва, в случае, если подростки перестают доверять взрослому после его неверного, неискреннего, глупого, нелепого, излишне безрассудного, излишне сентиментального и т.д. – поступка...

13. Пользуясь традиционным (в школе Выготского) словоупотреблением и несколько преобразуя это словоупотребление, группу риска с живущим в ней прошлым можно назвать зоной ближайшего взаиморазвития взрослого и ребенка. Здесь существенная двойственность взрослого. С одной стороны, взрослый прямо изображает собой, «проживает» на глазах у подростков подростковые же формы жизни: отношение к жестокости, любви, сексу, красоте, деньгам, картам, азарту, курению, алкоголю и пр. И здесь взрослый предельно индивидуален и реализует себя на языке подросткового сообщества, но так, как он, взрослый, видит этот мир, как он хочет и может. С другой стороны, на уроке в подростковом классе взрослый выступает как учитель. Подростки тщательно следят за тем, чтобы в школе взрослый помнил, что он – только учитель! Подростки тщательно следят за тем, чтобы переход от бассейна, дискотеки, лавочки, доверительной беседы, флирта, соперничества и пр. – к уроку, т.е. к иной форме жизни со взрослыми - был всегда четким и без размазанных краев. Сейчас Вы – только учитель, а мы – только ученики. И читаем мы Гоголевского «Вия» не для того, чтобы решить какие-то свои личные проблемы, а из «любви к искусству». Ни в коем случае не следует, подобно Ильину, «в лоб» увязывать искусство, науку, философию, строящиеся на уроках, с проблемами, возникающими на лавочке, в такси, на улице, в бассейне, в церкви, на пороге родительского дома и в иных хронотопах. Эта увязка двух параллельных и первоначально не связанных потоков трансляции культуры и цивилизационных форм жизни должна, на мой взгляд, происходить сама собой, когда вы например, замечаете, что девушка, которая вам очень нравится, в беседе с вами «на лавочке», дошедшей до высоких пределов

доверительности, вдруг и неожиданно для себя самой переходит к обсуждению Селинджера или Гоголя, читанного недавно, и вовсе не в связи с предметом беседы.

14. Два пространства – пространство художественного произведения и пространство поведения начинает вступать во взаимодействие в осознании человека примерно на седьмом году обучения в школе. Как мне кажется, шесть первых лет эти пространства существуют как относительно изолированные, и в этом нет беды. Напротив, удачно названное «развивающим воспитанием» (И.Д. Фрумин, 1987) чтение художественных произведений «впрок», до того, как для их понимания созрели предпосылки в виде жизненного опыта (Эсхил – в третьем классе, Катулл – в шестом классе), мне кажется более перспективной идеей, чем идея Ильина прямого соединения на уроках литературы и жизненного опыта подростка и юноши.

15. Видимо, Л.С. Выготский был прав, относя формирование рефлексии не к младшему школьному возрасту, а к возрасту подростковому. Может быть, рефлексия у подростков возникает во многом как увязание «бытия в культуре» (В. Библер), т.е. бытия в пространстве и времени художественного произведения, диалогического понятия, в пространстве моего сочинения, моего монстра, моей гипотезы... и моего бытового (?) поведения в группе риска. Успешное «прохождение» кризиса 13-14 лет, на мой взгляд, связано именно с превращением бытового поведения в поведение бытийное. Именно в этом возрасте риск чтения Чехова или перевода Катулла с латыни впервые связывается с риском понимать, дружить, любить – в своей компании (5).

16. Но это возможно лишь при условии, когда со мной вместе рискует и поверяет поведением «бумажную», текстовую культуру тот, кто мне эту культуру шесть лет давал – взрослый, учитель. Эта ситуация проверки – не врет ли, часом, учитель? – великолепно воссоздана в фильме «Спасатель». Учителя играет Шакуров. Ученицу – Друбич. Учитель читает «Анну Каренину». Очень завлекательно. И... ученица влюбляется в учителя. Она вынуждает учителя «выйти из класса». Но... вне класса, без книжек, учитель оказывается пустышкой, никчемным существом, Беликовым. Он был весь – слово. У него не было ничего, кроме слова. Он не был человеком поступка. Дело кончилось плохо: ученица попыталась покончить с собой... Учитель учит культуре. Учитель учит жизни. Если нет чего-то из этих двух – нет учителя XX века. А есть неудачник, который либо может учить пять-шесть слабовольных детей из класса, а остальные уходят на улицу, либо – что еще хуже! – теряет вненаходимость и растворяется в подростковом сообществе. Но такой «взрослый-подросток», который не является двойственным, т.е. не является еще учителем, подросткам не нужен и не интересен. Такой инфантильный взрослый быстро становится предметом насмешек и выводится из подростковой компании.

17. Иной поворот размышлений возникает, если мы поймем, что не только учитель перемещается во времени и использует, выращивает, строит для этого «возрастную лапу». Это же делает и ученик на уроке, пытаясь понять взрослого. Того взрослого, которого он принимает за своего в подростковой компании. Да, в компании он – силен, да, он ведет себя здорово! Но почему ему так часто удается удерживаться от ненависти и ревности, любить, быть любимым, понимать многих (едва ли не всех)? Почему он удерживается там, где мы срываемся? Почему именно ему каждый раз удается возвращать нас в ситуацию взаимопонимания? Может быть, начинает догадываться подросток на седьмом году обучения, дело именно в культуре, в этой странной штуке? Эта штука у меня вроде бы есть. В начальных классах я доверчиво и вовсе не в связи с «жизнью» культуру освоил: культуру чтения и понимания произведений, культуру общения при обсуждении понятий, культуру создания собственных произведений и монстров, культуру письменной речи... неужели дело именно в этом? И подростки (сначала – некоторые девушки, потом – парни) приблизительно начиная с половины седьмого года обучения, осознанно тянутся к образованию. И чем «круче» подросток, чем он «труднее», тем легче ему понять Гоголя и Чехова.

18. Осознание того, что культура и только она отвечает на вопросы, неразрешимые внутри цивилизации, т.е. – для подростка – внутри группы риска – вот суть нормального

возрастного движения четырнадцатилетнего человека в школе и вне ее. Культурное произведение начинает пониматься как некоторое рисковое деяние, а писатели как своеобразная «группа риска», как «наши». Происходит объединение двух авангардов – писательской группы риска и подростковой группы риска.

19. Читающий подросток – это человек, пытающийся вырастить у себя возрастную «лапу», старающийся понять мир взрослых. Точно так же, как учитель, стараясь войти в ритм разговора подростковой компании, вынужден развивать в себе способность читателя, слушателя, со-творца подростковой речи, музыки, читая «Ревизора» или «Чайку» по ролям, вынужден выращивать у себя возрастную (в будущее, прошлое, настоящее направленную) способность читателя. Взрослый читает и воспроизводит подростковую речь, будущего поколения, речь цивилизации XX века. Подросток и взрослый путешествуют по возрастам.

20. Мои наблюдения показывают, что примерно на пятом году обучения, в кризисе 11 лет, т.е. в первом возрастном подростковом кризисе (все время мы говорили только о втором, о кризисе 13 лет) подростки начинают активно подавлять в себе культурную речь, усвоенную в семье и на уроках-диалогах в школе. Младшие подростки начинают активно избавляться от сентиментальности, мечтательности, «культурности». (у нас это называлось «перестать быть пионером жизни», т.е. хорошим, добрым, ласковым ребенком). Можно предположить, что в первом подростковом кризисе, кризисе 11 лет, дети сознательно выстраивают разделение школьной (культурной) и внешкольной (цивилизационной, рискованной) жизни. Изобретается подростковый вульгарный язык (у нас – с элементами иностранного языка, например, грузинского), чрезвычайно интересный в синтаксическом отношении.

Этот язык, на наш взгляд, и формирует группу риска. По моим представлениям, в норме такую группу риска в 11-12 лет составляют самые успешные ученики, люди хорошо обученные (в начальной диалогической школе) устной и письменной речи, люди, способные экспериментировать со своим речевым поведением. Им даже приходится специально учиться говорить и писать (!) с ошибками, дабы не походить на «пионеров жизни», на людей, любящих читать и говорить о книжках. В 12-13 лет эти ребята первыми пробуют курить, пить, вести себя вульгарно. А в 14 лет именно они начинают первыми всерьез рефлексивно сопоставлять собственные культурные произведения, созданные на уроке и собственное цивилизационное поведение в группе риска.

23.04.1994.

P.S. Автор выражает глубокую благодарность Е. Байкаловой, Ю. Вятчиной, А. Медведевой, Т. Калининской, Е. Михайловской, К. Иваницкому, М. Исламову, М. Кончакову, Д. Пластинину, Д. Перикову, А. Рычкову, В. Федосееву, С. Черкасову, Н. Кургановой, В. Библеру, И. Фрумину, А. Аронову, В. Башеву, И. Берлянд, Б. Эльконину, Л. Челидзе, В. Литовскому, Е. Москаленко, А. Королевой, С. Володиной, А. Дидур, П. Бондаренко, Г. Кутепову, А. Ревво, В. Авдеенко, В. Левину, Е. Квичко, А. Кургановой, Т. Курганову, У. Кургановой и многим другим соавторам этой работы.

Примечания.

- (1) см., напр., Обучение письму и чтению. Методическое пособие для воспитателя детского сада. Автор Е.Е. Шулешко, М., 1988 и др.
- (2) В.С. Библер. Диалог культур и школа XXI века. В сб. «Школа диалога культур». Идеи. Опыт. Проблемы. Кемерово, 1993.
- (3) С.Ю. Курганов. Ребенок и взрослый в учебном диалоге. М., 1989.
- (4) Сочинение Е. Байкаловой (1994)
- (5) см. Античная культура глазами школьника XX века. Катулл в детских переводах и подражаниях. Новосибирск, «Текст», 1993.